

1948 год. Ленинградское хореографическое училище. Петр Андреевич Гусев с молодыми артистами Театра оперы и балета им. Кирова. Слева направо сидят: Нинель Петрова, Ольга Моисеева, Петр Гусев, Юрий Дружинин, Борис Бреговдзе. Во втором ряду — Виктор Сухов, Аскольд Макаров, Нонна Ястребова, Игорь Бельский.

«Он был король поддержки»

100 лет Петру Гусеву

Известия - 2004 - 29 дек. - с. 14.

Сегодня исполняется 100 лет со дня рождения танцовщика и хореографа Петра Андреевича Гусева. В историю он вошел не только как один из организаторов «Молодого балета» (совместно с Джорджем Баланчиным), первый исполнитель роли Петра в спектакле Федора Лопухова «Светлый ручей» (этот балет, разруганный в газете «Правда» по личному указанию Сталина, был изъят из репертуара) или замечательный партнер Ольги Лепешинской. Петр Андреевич Гусев — еще и блестящий балетный репетитор. Его ученицы и коллеги — балерины Нонна Ястребова и Нинель Петрова вспоминают о том периоде, когда Петр Гусев руководил балетной труппой Кировского (ныне Мариинского) театра.

Балерина Нонна Ястребова: «Он считал себя петербуржцем, но он любил Большой театр»

У Петра Андреевича был принцип, от которого он даже страдал, — он выдвигал молодежь. Он хотел, чтобы приходили новые люди. И всем нам отдавал много сил и времени. Когда, например, он готовил со мной и Борисом Бреговдзе балет «Дон Кихот» в 1947 году — три месяца ушло на репетиции.

2004 год. Академия русского балета им. А.Я. Вагановой. В том же зале, слева направо: Нинель Петрова, Нонна Ястребова, Ольга Моисеева. Внизу — Борис Бреговдзе

Работая изо дня в день, мы уже ничего не хотели, ни «Дон Кихота», ничего, мы уже устали. И однажды мы с Борисом стоворились: «Ты скажешь, что у тебя болит спина, а я скажу, что у меня болит колено — очень, очень болит!» Сговорились. Входит Петр Андреевич — засученные рукава, голубая рубашечка: «Ну что, ребята? Пошли?» Мы только заикнулись о своих недомоганиях, а он: «Да-да, все понимаю, пошли-пошли быстренько. Пройдем только первый акт». Начинается репетиция — мы проходим первый акт, второй, третий, вот уже репетиция закончилась, и мы сознаемся, что не хотели работать. Он засмеялся: «Ну что вы! Это же такое удовольствие!»

Его замечания всегда были меткие, четкие. Никаких длинных нравоучений. Он умел вытягивать из человека то, что в нем было заложено. Вся эта плеяда — Нинель Петрова, Аскольд Макаров, Инна Зубков-

ская, Ольга Моисеева, Алла Осипенко — всех нас Петр Андреевич сделал.

Открою женский секрет: мы все были влюблены в него. Перед репетицией старались реснички подкрасить, чуть-чуть подуться, чтобы получше выглядеть. А он был очень демократичный, никогда не разговаривал с нами менторским тоном. О «Светлом ручье» он никогда не вспоминал. В этом отношении мы все были молчаливые. Такое было время. Он, например, никогда не говорил о Баланчивадзе (Джордже Баланчине). — «Известия»), ни одного слова. Он просто не мог ничего сказать.

Он считал себя петербуржцем, но он любил Большой театр. Ему нравилось там работать. Ему нравились концерты с Лепешинской. Да, он с удовольствием с ней танцевал. Как танцовщик, он не был, наверное, выдающимся. Ермолаев был, вероятно, лучше. Но он танцовщик, он актер! Он был король поддержки. Так, как держал Петр Андреевич, — так никто не держал партнершу. Никто! Что Лепешинская делала в знаменитом «вальсе Мошковского»? Она бежала к нему на «рыбку», руки держала сзади и... прыгала! И он ловил. В любом положении ловил. И двойные «рыбки» наверху, это же тоже он придумал. Хотя верхние поддержки начал вводить Борис Васильевич Шавров, с Люком они начали немножко шевелить тело. Но это Гусев с Мунгаловой и Лопуховым в «Ледяной деве» втроем сдвинули с мертвой точки весь партнерский танец. Раньше же никогда такого не было. Павел Андреевич Гердт (лучший партнер императорских театров. — «Известия») ходил рядом, кто-то за ручку держал, а если обводил вокруг — это уже было очень хорошо. А вот так, чтобы наверх вытолкнуть, двойную «рыбку» вниз, — это мог сделать только Гусев.

Жизнь его совсем нелегкая была. А эта история, когда балерины Кировского театра написали письмо в Министерство культуры? Приехал чиновник, вызвал сначала Инну Зубковскую, меня, Аскольда Макарова, Бориса Бреговдзе. А после — Дудинскую, Вечеслову, Кириллову... У Петра Андреевича были очень большие неприятности. Его ведь тогда сняли, и он уехал из Петербурга. А из-за чего? Из-за того, что он нас, молодых, ставил в спектакли. Но запихнуть нас обратно уже было невозможно.

Балерина Нинель Петрова: «Все женщины были в него влюблены»

Я вспоминаю то время как сказку. Нашему поколению очень повезло, потому что в начале творческого пути мы встретили такого человека. Своим становлением мы обязаны ему. Петр Андреевич — изумительный руководитель, репетитор, педагог. У него все потрясающе было организовано. На репетицию все приходило в форме — он был для нас большой авторитет, а женщины просто все были в него влюблены. У нас даже были стишки: «Об этом знаешь ты едва ли, как мы пред зеркалом стояли и как в святом искусства храме все пахло дамскими духами». Мы работали с душой, чтобы только заслужить его одобрение.

Незадолго до отъезда мы были у него на квартире на улице Росси. Были блины, чудесное застолье, и нам было очень просто и легко. Он обладал замечательным даром — умел быть на равных.

Когда мы провожали Петра Андреевича в Москву, на вокзале от самого его вагона до конца платформы стояла толпа. И все спрашивали: «Что такое, что случилось, кто уезжает?» Поезд ушел, а мы бежали за ним до самого конца.

ФОТОГРАФИИ СДЕЛАНЫ ФОТОРЕПОРТЕРОМ «ИЗВЕСТИЙ» СЕРГЕЕМ СМЕРНОВЫМ